

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

Чингиз Абдуллаев

Через некоторое время Ирина открыла глаза. Она уже лежала на кровати, раздетая и связанная. Баратов бережно снял с нее колготки, словно она должна была снова надеть их; стащил всю одежду, стараясь не порвать ее... Ирина открыла глаза, когда он несколько раз встряхнул ее. И сразу поняла, что сейчас произойдет. – Это ты убийца? – Она не испугалась, не заплакала. Только спросила...

Адаптация
совести

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев
Адаптация совести

«PEN-клуб»

2011

Абдуллаев Ч. А.

Адаптация совести / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2011 — (Дронго)

Это даже не ЧП, это катастрофа! Во время следственного эксперимента серийный маньяк, убийца и насильник Баратов совершил дерзкий побег. Зверь, на поимку которого ушло столько сил, нервов, бессонных ночей, снова на свободе... Знаменитый аналитик Дронго предупреждал, что такое возможно, но его не послушали – и вот теперь все приходится начинать сначала. Для того чтобы вычислить ходы маньяка, надо «стать им», понять его логику. И у Дронго это получается. Он даже выясняет, кто станет очередной жертвой убийцы. Но как остановить Баратова? И тут маньяк сам звонит Дронго...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Чингиз Абдуллаев

Адаптация совести

Жизнь человеческая есть ложь. За всякой улыбкой таится зевота, за всяким восторгом подспудное проклятие, за всяким удовольствием прячется отвращение, а от сладкого поцелуя остается на губах всего лишь томлящая жажда новых наслаждений.

Гюстав Флобер

Жалость к палачам становится жестокостью по отношению к их жертвам.

Ромен Роллан

Глава 1

Дронго вернулся в Москву только вчера вечером. Последние две недели он провел в Италии вместе с семьей. Джил была просто счастлива, и дети тоже. Дронго с удивлением заметил, как они выросли. Стало понятно, что с ними нужно разговаривать несколько иначе, чем раньше. Но три дня назад ему позвонил профессор Гуртуев, и он принял решение вернуться в Москву.

Сегодня утром к нему приехал Казбек Измаилович. После недавнего расследования, которое они провели вместе, обнаружив одного из самых опасных преступников, действовавших на территории России и сопредельных государств, Гуртуев стал общероссийской знаменитостью. Про него писали в газетах, о его методах расследования рассказывали на юридических факультетах, его теории изучали самые известные криминалисты. Вскользь упоминалось, что вместе с профессором Гуртуевым в расследовании принимал участие известный международный эксперт, который по понятным причинам не любил афишировать своего имени и своих методов следствия.

Популярность не испортила Гуртуева. Есть такие фанатики своего дела, которых не интересует ничего, кроме их основной деятельности. Все сопутствующие успеху факторы – слава, деньги, известность, уважение и зависть коллег – не так важны для таких ученых. Главное – их непосредственная работа, в которой они находят истинный смысл жизни и самое большое удовлетворение.

– Как хорошо, что вы прилетели! – сразу начал Гуртуев, едва вошел в квартиру. – Я уже считал часы, когда наконец смогу с вами увидеться.

Он прошел в гостиную и сел в кресло, предложенное хозяином. Дронго устроился напротив.

– Из нашего разговора я понял, что Баратов отказывается разговаривать со следователем, – сказал он.

– Вот именно, – кивнул Гуртуев, – вы понимаете, в чем проблема. Про Баратова написали все российские газеты, многие зарубежные издания. О нем сделали несколько репортажей европейские и американские корреспонденты. Он стал настоящей звездой. И отказывается сотрудничать со следствием, пока вы не придете к нему в камеру. Я дважды пытался с ним переговорить, но все безрезультатно. Со мной он тоже отказывается разговаривать, хочет видеть именно вас. Должен вам признаться, что этот человек обладает исключительной силой воли и довольно здравым рассудком, несмотря на свои маниакальные наклонности.

– Что конкретно он сказал вам?

– Объяснил, что хочет видеть и разговаривать именно с вами. Я ему честно сообщил, что вы – независимый эксперт, который не имеет никакого отношения к правоохранительной системе, и с вашим допуском в тюрьму будут большие проблемы, но он только усмехнулся в ответ. «Значит, когда вам нужно найти убийцу, вы зовете своего эксперта, несмотря на его свободный статус, а когда нужно пустить его в тюрьму, вы вспоминаете, что он не является вашим офицером?» – спросил он меня.

– Он сам назвал себя убийцей? – быстро уточнил Дронго.

– Представьте себе, да. Так и сказал. И вообще, он кажется мне вполне адекватным человеком, который все прекрасно осознавал, но просто уже не мог остановиться. Нужно сказать, что на беседу к нему записаны десятки корреспондентов со всего мира и несколько известных профессоров, моих коллег. Хотя никого из них и не пускают в тюрьму. Но они справедливо считают наше расследование абсолютно уникальным случаем. Найден сексуальный маньяк, который занимал довольно высокое место в социальной структуре нашего общества. Директор института архитектуры и градостроительства, профессор, без пяти минут доктор наук. Его диссертация была практически готова. И такой человек оказался сексуальным маньяком, серийным убийцей! Я слышал, что в Голливуде даже хотят снять фильм по этой истории.

– Они уже сняли безобразный фильм о Чикатило, – поморщился Дронго. – Им нужны лишь дикие факты, чтобы препарировать их по-своему и зарабатывать на этом деньги.

– Каждому свое, – согласился Гуртуев. – Но согласитесь, что наш случай абсолютно уникальный. Все сотрудники его института в один голос уверяют, что он порядочный и нормальный человек. И это даже после его ареста, после того как несколько независимых экспертиз подтвердили присутствие именно его ДНК на телах погибших. Ошибка полностью исключена, совпадения невозможны. Сама личность Вениамина Борисовича вызывает живейший интерес у психиатров и психологов всего мира. А он отказывается разговаривать с кем-либо, кроме вас. Он сказал, что будет говорить только с вами – с человеком, который сумел его вычислить и задержать.

– Просто какой-то Ганнибал Лектер, – пошутил Дронго.

– Что? – не понял Гуртуев.

– Был такой фильм «Молчание ягнят». В нем маньяк-психопат готов сотрудничать со следствием на определенных условиях, и к нему приходит молодая женщина – стажер из ФБР.

– Не видел, – признался Казбек Измайлович. – Я вообще не очень люблю смотреть детективы.

– Этот фильм можно посмотреть, – посоветовал Дронго, – он как раз о психологии преступников, пусть даже на голливудском примитивном уровне. Но зато там потрясающе играют актеры.

– Если будет время, то посмотрю, – согласился Гуртуев. – Только вы не стажер ФБР...

– Я считал это дело закрытым, – с явным неудовольствием произнес Дронго.

– Понимаю, – вздохнул Казбек Измайлович, – вы сыщик, а не психолог, и вам важно было вычислить преступника, а не копаться в его душевных драмах. Но с другой стороны, именно вам, как одному из лучших аналитиков, должно быть интересно проанализировать и понять все мотивы диких поступков этого человека.

– Я могу отказаться?

– Конечно, – грустно согласился Гуртуев, – но вы бы нам очень помогли. Понимаете, это действительно незаурядная личность. И вы прекрасно знаете, что он очень тщательно продумывал все свои преступления, не пользовался мобильным телефоном, запутывал следы, не летал самолетами, менял поезда, заранее прибывал в города, где замыслил преступления. Он был уверен, что его практически невозможно вычислить. И все равно вы его обнаружили. Несколько мелких ошибок, пара несовпадений, небольшая погрешность – и вы сумели его вычислить...

– Не перехвалите, – усмехнулся Дронго. – Я был не один. Во-первых, с нами работала группа полковника Резунова, без которых мы бы не справились; а во-вторых, я ничего не смог бы сделать без вас, уважаемый профессор. Это ведь вы вывели свою теорию «синдрома жертвы» и даже сумели вычислить предполагаемый регион проживания преступника.

– Зато вы были одним из немногих, кто поверил в мою теорию, – уточнил Гуртуев.

– Не до конца, – рассмеялся Дронго, – хотя чем больше я изучаю ваши записи, которые вы любезно переслали мне, тем больше нахожу странные закономерности. Особенно по историческим личностям. Кажется, русская пословица гласит: «Хоть горшком назовите, только в печь не сажайте». А ваша теория утверждает, что если вас называют горшком, то рано или поздно вы непременно очутитесь в печи.

– Я не был так категоричен, – заметил Гуртуев, – но, в общем, получается, что так или иначе имя подсознательно действует на его носителя.

– Особенно если этот человек отягощен грузом наследственности своих предков, – согласился Дронго. – Я недавно читал об образовании первой коммуны и провозглашении первой коммунальной хартии во французском городе Комбре в середине одиннадцатого века. И плюс еще дикие крестьянские волнения в Бретани и по всему королевскому домену. Мне стало интересно, кто был королем Франции в этот момент. А именно, Генрих Первый из династии Капетингов, который, в отличие от своего предшественника Роберта Благочестивого, не был набожен или удачлив. Но он хотя бы умер собственной смертью, пусть и проклинаемый многими соотечественниками. Я немного знаю историю Франции, и мне не составило труда вспомнить, что Генриха Второго – уже в середине шестнадцатого века – убили на турнире, его сына Генриха Третьего заколол доминиканский монах Жак Клеман, а его зятя Генриха Четвертого убил фанатик Равальяк. Вот такая грустная история с Генрихами, которым так не везло во Франции, – хотя по-французски это имя звучит как Анри. Даже Генрих Пятый, уже через триста лет, так и не стал королем, хотя был внуком Карла Десятого и считался реальным претендентом на престол во времена Третьей республики. Вот такие невероятные совпадения. Может, им нужно было брать другие имена? Хотя... Его сын умер семи лет отроду, а брат, взявший имя Людовика Восемнадцатого, дважды бежал из собственной страны! Сначала в качестве принца, а затем уже как король, изгнанный Наполеоном. Может, действительно топор палача так радикально менял представление о счастливом имени или все это лишь случайные совпадения?

– Мы уже с вами говорили, – напомнил Гуртуев, – случайных совпадений не бывает... Да, кстати, полковник Резунов тоже считает, что именно вы сможете разговорить нашего бывшего подопечного и заставить его давать показания.

– А заставить его говорить нельзя, – понял Дронго. – С одной стороны, он теперь почти европейская знаменитость и его нельзя даже трогать пальцем, не говоря уже о стандартных методах, применяемых по отношению к таким преступникам. А с другой – вы не можете вводить ему различные препараты, подавляя психику, так как он представляет для вас исключительный научный интерес и вы просто не позволите никому вмешиваться в работу его мозга. Все правильно?

– Почти да. Его даже содержат в отдельной специально оборудованной камере в том крыле, где нет остальных преступников. Вы же знаете, что обычные уголовники не любят подобных маньяков и поступают с ними соответственно. Но даже угроза перевести его к уголовникам на него не подействовала. Он понимает, что следователи не пойдут на такой шаг, так как это вызовет скандал. Каждый день о Баратове появляются все новые и новые статьи. Мы сделали из него настоящую звезду, европейскую знаменитость, и в этом вы правы.

– Именно поэтому я должен отказаться, – ответил Дронго, – это не мое дело – вызывать на откровенную беседу преступника. Для этого есть целый штат психологов, психоаналитиков и психиатров.

В этот момент позвонил мобильный телефон гостя. Гуртуев извинился, доставая свой аппарат.

– Он отказывается, – сообщил Казбек Измайлович, – категорически не хочет встречаться с Баратовым. Да, конечно. Я ему все объяснил. Но он не хочет. Да, я могу передать ему телефон.

Он протянул телефон Дронго и пояснил: «Полковник Резунов».

– Добрый день, Виктор Андреевич, – сказал Дронго, услышав знакомый голос.

– Здравствуйте. С приездом. Как хорошо, что вы прилетели! Вам, очевидно, Казбек Измайлович все уже рассказал. И я понимаю мотивы вашего отказа. Конечно, вы сыщик и не должны копаться в грязном белье. Но мне казалось, что вам самому будет весьма любопытно понять истоки поведения Баратова. Каким образом он стал таким чудовищем, превратившись из интеллигентного человека в убийцу?

– Он никогда не был интеллигентным человеком, – печально возразил Дронго, – а был убийцей, который притворялся интеллигентным человеком. И его основная натура брала вверх над напускной интеллигентностью. Академик Лихачев считал, что притворяться интеллигентным человеком нельзя, но, видимо, это как раз тот самый редкий случай, когда Баратову удалось всех обманывать.

– Возможно, вы правы, – согласился Резунов, – но нам крайне важно понять не только его мотивы, но и целенаправленность его действий. По некоторым эпизодам вообще ничего не доказано. Его сосед был убит, а супруга исчезла, и мы не можем найти ее тело. Нам просто необходима ваша помощь.

– Мне будет очень трудно с ним разговаривать, – глухо ответил Дронго, – когда мы приехали к нему, я разговаривал с Баратовым и видел его глаза. Мне даже в какой-то момент показалось, что он хотел, чтобы мы его арестовали. Словно боялся сам себя. Мне кажется, что с ним должны работать ваши психологи.

– Мы посылали туда лучших специалистов, – ответил Резунов, – но он замыкается в себе, не идет ни на какие контакты. Профессор Сильванский считает, что в Баратове скрывается некий комплекс «сверхчеловека». Уже после первого убийства он получил не только сексуальное удовлетворение, но и осознание своей силы, своего могущества. Вы помните наши разговоры, наши сомнения? Без убийства, без подлинного наслаждения своей силой и осознания беспомощности жертвы он не получал настоящего удовлетворения. Именно поэтому и считал себя «сверхчеловеком». Но все же у него хватало ума отдавать себе отчет в противоправности своих действий; он понимал, что совершает нечто ужасное. Возможно, из-за этих противоречий он внутренне был готов к своему аресту. Но всех нас Баратов считает не столь совершенными людьми, как он сам. Или как вы, человек, который сумел его вычислить. Возможно, поэтому он испытывает по отношению к вам некий комплекс раздвоения личности. С одной стороны, он, конечно, вас ненавидит, а с другой – уважает как человека, оказавшегося равным ему и даже превзошедшего его.

– Это тоже один из методов психоанализа, – пробормотал Дронго. – Пытаетесь таким образом заручиться моим согласием?

– Пытаюсь, – рассмеялся Резунов. – Поймите и вы нас: ведь дело идет об исключительном маньяке, равного которому в нашей практике еще не было. Это пересмотр всех традиционных представлений о том, кто может быть преступником в подобных делах. Нам очень важно, чтобы вы согласились.

– Это я уже понял, – задумчиво произнес Дронго.

– Генерал Шаповалов сейчас на докладе у министра, – сообщил Резунов, – он попросил меня передать вам, что это и его личная просьба. Он собирался звонить вам...

– Пускаете в ход «тяжелую артиллерию»? – пошутил Дронго. – Считаете, что ему я не смогу отказать?

– Это ваш личный выбор, – согласился Резунов, – но я уверен, что вы согласитесь. Вы же профессионал и понимаете, как важно нам выйти с ним на контакт. А с вами он будет разговаривать...

– И как вы себе представляете наше общение? Мне каждый день приезжать к нему в тюрьму?

– Мы выпишем вам особый пропуск. Я лично буду сопровождать вас. Встречаться будете в специально оборудованной комнате. Если вы опасаетесь его мести, то мы свяжем его или наденем наручники... Мы примем любые ваши условия.

– В таком состоянии он вряд ли будет откровенным, – заметил Дронго, – а если вы еще и завяжете ему рот, то он вообще не сможет говорить. Конечно, никаких наручников не должно быть, иначе получится, что я попросту боюсь оставаться с ним наедине, и это будет весомый аргумент в его пользу. А во-вторых, не нужно меня обижать. Я ведь рассказывал вам, что дрался с самим Миурой, сумев продержаться несколько секунд. Учитывая, что я почти в полтора раза тяжелее Баратова и выше на целую голову, то полагаю, что еще способен постоять за себя, даже со скидкой на нашу разницу в возрасте. Кстати, не такую уж и большую – он лишь на несколько лет моложе меня.

– В этом я как раз не сомневаюсь. Но для нашего спокойствия комната будет оборудована двумя видеокамерами и записывающими магнитофонами. Несколько сотрудников, находящихся рядом, помогут вам при необходимости. Перед каждой встречей Баратова будут тщательно обыскивать, исключая любые неожиданности. В комнате ни ручек, ни карандашей, ни скрепок, ни даже листов бумаги, чтобы ничего нельзя было использовать. Только привинченные к полу стулья и стол. Вас мы тоже попросим избавиться от всех металлических вещей, включая ремень, часы, телефон.

– То есть вы уже готовились к нашим встречам, еще даже не получив моего согласия? – понял Дронго.

– Я с самого начала был уверен, что вы согласитесь, – признался Резунов, – даже не сомневался. Спасибо, что вы согласились.

– Вы еще не услышали моего согласия, – добродушно сказал Дронго. – Хорошо, скажите генералу, чтобы он не беспокоился. Я приеду завтра утром в вашу тюрьму. До свидания.

Он передал телефон Гуртуеву.

– Очень хорошо, – обрадовался профессор, – я тоже буду все время с вами.

– Кажется, это было единственное условие, о котором я не сказал Резунову, – хмыкнул Дронго. – Чувствуя ваш невидимый взгляд, я буду гораздо увереннее. Только боюсь, что у нас ничего не получится.

– Почему? – не понял Гуртуев.

– Если я правильно понимаю этого человека, ему нужен собеседник для осознания какой-то истины, а не для того, чтобы группа ученых ставила над ним эксперимент. Он этого просто не допустит.

Глава 2

@Bukv = Утром за Дронго приехала машина, которую прислал полковник Резунов, и он отправился в тюрьму. Это был следственный изолятор Федеральной службы безопасности, расположенный в бывшей тюрьме КГБ. В знаменитом здании на Лубянке уже давно не было столь известных преступников. После проверки документов Дронго выписали сразу два пропуска: на вход в здание и на верхние этажи. В отдельной комнате его ждали полковник Резунов и профессор Гуртуев. С ним был еще один незнакомый мужчина, лет сорока пяти, среднего роста, подтянутый и, несмотря на относительно молодой возраст, почти седой.

– Полковник Тублин, – представился он эксперту, – я веду дело Баратова. Было принято решение, чтобы этим делом вместе со следственным комитетом занималась и наша служба.

– Это я уже понял, когда меня сюда привезли, – пробормотал Дронго. – Что я должен с себя снимать, прежде чем увидиться с нашим подопечным.

– Все, – сказал Тублин, – желательно снять все, что может превратиться в оружие. Вы носите очки?

– Нет. И никогда их не носил.

– Сигареты, зажигалка?

– Я не курю.

– Часы?

– Я их не надел.

– Телефон?

– Я не взял его.

– Вы прямо идеальный посетитель, – без тени улыбки произнес Тублин. У него были холодные серые глаза, которые, казалось, давно разучились улыбаться. И сеть морщин вокруг глаз. Было очевидно, что за плечами этого человека большая и сложная судьба.

– Ремень? – продолжил спрашивать Тублин.

– Я его не надел, – Дронго развел полы пиджака.

Даже Резунов и Гуртуев улыбнулись, переглянувшись. Они уже неплохо изучили характер Дронго.

– Шнурки на ботинках, – посмотрел на обувь гостя Тублин. – Вы специально надели обувь без шнурков?

– Да, типа мокасин. Но не из-за вашего убийцы. Я вообще много лет ношу обувь именно этой фирмы.

– Хорошо. Последний вопрос. Хотя полагаю, что знаю ответ и на него. У вас нет никакой цепочки под рубашкой?

– Ничего нет, – ответил Дронго, – никаких цепей, никаких талисманов.

– Пойдемте, – предложил Тублин, – только учтите, что этот человек чрезвычайно опасен. Психологи считают, что в момент совершения преступлений или в момент наивысшего возбуждения силы подобных маньяков удваиваются или утраиваются. Вместе с профессором Гуртуевым и полковником Резуновым мы будем следить за вами из соседней комнаты и при малейшей опасности ворвемся в комнату. Вся ее стена – настоящее зеркало, сквозь которое мы можем вас видеть. Рядом со мной будут два оперативника, специально подготовленные для подобных случаев. Но все равно будьте осторожны...

Было заметно, что ему не хочется пускать эксперта к преступнику.

– Вы не хотели этого свидания?

– Что вы сказали? – спросил Тублин явно для того, чтобы выиграть время.

– Вы ведь слышали, что я сказал. Почему вы были против?

– Он слишком опасный преступник, – убежденно ответил Тублин. – Понимаете, он ведь не просто нападал на первых попавшихся женщин и убивал их с особой жестокостью. Нет, он целенаправленно выбирал свои жертвы, отбирал их, знакомился, очаровывал, завоевывал, внушал доверие – и только затем, выждав удобный момент и подготовив все для нападения, совершал свои гнусные преступления. Он никакой не маньяк, а настоящий садист. Опасный и подлый садист. Я с ним разговариваю уже много дней, это редкий экземпляр человеческой породы. Умный, начитанный, грамотный, все понимающий, осознающий и... убивающий. Новый вид зверя-хищника. Новый вид мутации, если хотите. Он ведь прекрасно знает, что именно вы смогли его вычислить. И возможно, поэтому так настойчиво требует встречи именно с вами. Не удивлюсь, если окажется, что он придумал какую-то пакость, чтобы досадить вам. Или просто свести с вами счеты. Он так спокойно рассказывал мне об одном из убийств, что я даже испугался за свою психику. Мне начал нравиться его обстоятельный план, его подготовка, его тщательный анализ с учетом всех факторов преступления. Честное слово, я был заморожен его рассказом. А он неожиданно усмехнулся и говорит мне, что я тоже немного садист, если пошел в следователи. Получаю удовольствие от вида жертв. Словно ушатом холодной воды меня облил.

Тублин вздохнул:

– Я даже приказал постричь ему ногти. Вдруг он оставил под ногтями какой-то яд – хотя тот не мог попасть к нему никоим образом. Приказал проверить его язык, может, он держит под языком лезвие... Хотя понимаю, что он директор института, а не обычный зэк. Но с ними мы хотя бы знаем, как себя вести. А как вести себя с этим типом, многие даже не представляют.

Тублин показал на дверь, рядом с которой уже стояли двое сотрудников ФСБ в штатском – оба высокие, плечистые, с угрюмым выражением лица, словно приглашенные из второсортного боевика.

– Мы в соседней комнате, – напомнил Тублин.

Дронго вошел в комнату. За столом сидел мужчина – тот самый Вениамин Борисович Баратов, на поиски которого эксперт и вся оперативная группа потратили столько сил и нервов. Человек, виновный в убийстве многих несчастных женщин. Он был в белой рубашке, серых брюках. На ногах мягкие тапочки. Услышав шаги, он повернул голову. За время, что Баратов провел в одиночной камере, он почти не изменился. Только немного похудел – но это даже пошло ему на пользу. Скулы проступили четче, глаза заблестели. Он был по-своему красив, нравился женщинам – подтянутый, чисто выбритый, с породистым лицом и длинными, красивыми пальцами рук.

– Здравствуйте, эксперт Дронго, – насмешливо произнес Баратов. – Кажется, так вас называют во всем мире.

Дронго кивнул в знак приветствия, проходя и усаживаясь на второй стул, также привинченный к полу.

– Приятно, что вы пришли, – продолжал Баратов, – не каждый день удается принимать в тюрьме такую знаменитость, как вы. Наверное, вы даже не предполагали, что сделаете таким известным и меня, после того как смогли меня вычислить.

Дронго молча смотрел на своего визави.

– Вы меня переиграли, – признался Баратов. – Я даже не мог подумать, что меня разоблачат так быстро. Хотя, наверно, не очень быстро. Все-таки я кувыркался столько лет... Но сделал целый ряд глупых ошибок, на которые опытный профессионал должен был обратить внимание. Что вы и сделали. Все правильно?

– Рано или поздно вы бы все равно их сделали, – убежденно ответил Дронго, – и вас бы все равно вычислили – с моей помощью или без меня.

– Без вас было бы гораздо сложнее, – возразил Баратов. – А теперь все в порядке: я сижу в тюрьме, а вы гуляете где-то в Европе... Кажется, вы отдыхали со своей семьей в Италии? Я не ошибся?

Это была угроза. Вызов. Дронго заставил себя не дернуться при этих словах, не показать тревоги или испуга. Даже сумел усмехнуться, буквально выдавливая из себя улыбку. Здесь очень важно не переигрывать, но и не давать себя запугать.

– У вас есть даже сведения о моей семье?

В соседней комнате негромко выругался Резунов.

– Нужно будет установить наблюдение за семьей Дронго, – предложил Тублин. – Откуда он узнал?

– Он получал сведения из Интернета, – пояснил Резунов, – видимо, готовился заранее, еще до своего ареста.

И словно услышав его, Баратов ответил:

– Конечно, есть. С тех пор как я узнал о том, что за моей головой охотится лучший охотник мира, сам эксперт Дронго. Кстати, почему Дронго? Что за непонятная кличка? Нужно было стать Бондом, Холмсом, Пуаро или Мегрэ. А то такая неопределенность – название какой-то птицы.

– Мне нравится эта птичка, – возразил Дронго, – никого не боится и умеет имитировать голоса других птиц. Что-то в ней есть особенное.

– Вы тоже никого не боитесь, – живо поинтересовался Баратов, – поэтому прячете свою семью в Италии?

– Это вы узнали из Интернета?

– Мне нужно было понять ваше мышление. Вы ведь пытались понять мое. Узнав о том, что вы прячете свою семью в другой стране и не позволяете им быть рядом с вами, я начал понимать ваш характер и логику вашего поведения. Это самоотречение дает вам возможность независимого существования, позволяет действовать без оглядки на своих близких, чтобы не подставлять их под месть ваших оппонентов. Ясно, что ваши расследования не могут понравиться всем, особенно тем, против кого они направлены.

– Вы позвали меня только для того, чтобы сообщить мне об этом? – поинтересовался Дронго.

– Нет, – возразил Баратов, – просто хотел, чтобы вы приняли мою информацию к сведению. Вы ведь прекрасно осознаете, что я волк-одиночка, у меня нет и не может быть подручных или пособников. Это просто исключено. Любить женщин я предпочитал в одиночку. Мне никогда не нравились групповые забавы: делить свою женщину с кем-то еще против моих убеждений.

– Сволочь, – яростно произнес Резунов, – эти убийства он называет «любовью к женщинам».

– В его понимании это было своеобразное чувство любви, – меланхолично заметил Гуртуев, – ведь он выбирал из множества женщин именно тех, кто ему больше всего нравился.

– Это его оправдывает? – спросил Тублин.

– Это объясняет его поведение, – пояснил профессор.

– Рад, что вы не извращенец, – в тон ерничеству своего собеседника ответил Дронго. – Я думал, что вы обычный психопат с сексуальными отклонениями, а здесь у нас, оказывается, эстет с претензиями на высокие чувства.

Счет сравнялся. Баратов нахмурился, улыбка сползла с его лица.

– Это нечестно – бить лежачего, – заметил он.

– А вспоминать про мою семью, имея вашу репутацию, – честно? – поинтересовался Дронго.

– Молодец, – сказал Резунов, – так и нужно с этим гадом.

– Я не хотел вас испугать, – примирительно заявил Баратов, – только продемонстрировать свою заинтересованность. Вы ведь уже догадались, что я мог получить эти сведения лишь до того, как попал в эти стены. Здесь мне не разрешают подключаться к Интернету.

– Хотите, чтобы я походатайствовал перед начальством о вашем доступе в Интернет?

– Не хочу. Все равно не разрешат. А вы прекратите шутить, здесь не совсем идеальное место для ваших острот.

– По-моему, вы начали первым, – безжалостно заметил Дронго.

– А вы решили продолжить эту игру, – покачал головой Баратов. – Но, несмотря на ваш тон и вашу самоуверенность, я вижу, что вы все равно меня боитесь.

– С чего это вы взяли?

– Вы вошли сюда в обуви без шнурков. И ремня на вас тоже нет. И я не заметил на левой руке часов. Их наверняка с вас сняли, чтобы я не мог ими воспользоваться для каких-то особых целей. Но все это глупо. Я ведь не собирался нападать на вас. Вы наверняка сильнее меня физически и владеете какими-то приемами. Достаточно посмотреть на вас, чтобы понять – шансов у меня никаких. Поэтому вы напрасно так тщательно готовились к нашей встрече.

– Все знает, – пробормотал Тублин, – и все замечает. Я же говорил, что он очень опасен.

– Я приехал из дома именно в этой обуви, – возразил Дронго. – Часы я надеваю не всегда, а ремня действительно нет: костюмы я покупаю по фигуре и могу обойтись без ремня. Но я его сознательно не надел. И знаете почему? Мне трудно было бы удержаться, чтобы не затянуть его на вашей шее.

– Молодец, – во второй раз произнес Резунов.

– И вы еще угрожаете человеку, который обречен провести остаток жизни в тюремной камере? Вам не стыдно?

– Не стыдно. Я видел убитых вами женщин. И знаю, какое горе вы приносили в каждую семью, в каждый дом. Мне трудно будет забыть это.

– Ах, вы еще и моралист... Странно. При вашей профессии «охотника» можно быть и более выдержанным человеком.

– Я не моралист, просто констатирую факты. И насчет Дронго. Надеюсь, что мне удастся оправдывать эту кличку и делать ее крайне неприятной для преступников всех мастей. Один мой «заклятый друг» однажды написал мне, что Дронго – всего лишь птица, пожирающая фекалии крупных животных. Очевидно, под крупным животным он понимал прежде всего себя. Я не обиделся. Если тебе пишут подобную гадость, значит, ты на верном пути.

– Остается позавидовать вашей выдержке, – ровным голосом произнес Баратов, – и поблагодарить вас за то, что приняли мое предложение. Вы ведь независимый эксперт и вполне могли отказаться. Хотя я был уверен, что вы не откажетесь. С одной стороны, на вас насядут бывшие коллеги и друзья, а с другой – вами будет двигать обычный человеческий интерес, ведь вам будет любопытно узнать, что я за человек и каков изнутри. Ведь вы не поленились лично прилететь за мной в Пермь, чтобы поговорить со мной за минуту до моего ареста.

– Не каждый день встречаются убийцы, имеющие целую идеологическую платформу под своими преступлениями, – ответил Дронго, – или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Я действительно убежден, что мои преступления не столь ужасны, как те, что совершают грабители, воры или обычные садисты. Хотя бы потому, что мне нравились эти женщины и я нравился им. Заметьте, что я никого не тащил в кусты, не склонял к встречам силой или обманом. Все приходило по добровольному согласию.

– Ну да, вы их сначала обманывали. А потом уже тащили в кусты, как было в Павловске, или в заброшенный дом, как в Уфе, или в подвал соседнего дома, как в Челябинске. И только потом насиловали и убивали.

– Не будем о грустном, – предложил Баратов. – Нас ведь наверняка записывают, и прямо сейчас за нами следят человек пять или шесть. Подозреваю, что среди них может быть и ваш

коллега – известный психоаналитик профессор Гуртуев. Профессор, добрый день! – Он поднял руку и помахал как раз в ту сторону, где за стеной действительно сидел Казбек Измайлович. Гуртуев почувствовал себя неуютно; он даже поежился, увидев, как убийца смотрит на него в упор и машет ему рукой.

– Неужели он может нас видеть? – спросил Гуртуев.

– Он блефует, – сквозь зубы ответил Тублин, – просто ему нравится подобное поведение. Знает, что до суда мы его и пальцем тронуть не можем, чтобы он там был в порядке и давал показания. Иначе ему давно бы ребра переломали и заставили отвечать на все наши вопросы.

– Это не метод, – возразил Казбек Измайлович. – Он во всем признается, а потом на суде откажется ото всех показаний. И еще продемонстрирует свои сломанные ребра.

– Тогда лучше всего вкатить ему лошадную дозу «сыворотки правды», – предложил Тублин, – и он начнет вспоминать даже такие подробности, о которых не помнит.

– В этом случае вы его просто спасете от суда, – предупредил Гуртуев. – Сделаете из него настоящего психопата – и любая независимая экспертиза признает его невменяемым. Вы действительно хотите освободить его от судебной ответственности?

Тублин отвернулся и пробормотал какое-то ругательство. А в соседней комнате Баратов продолжал ерничать.

– И, наверное, рядом с ним два наших доблестных полковника, – говорил он, – Резунов из милиции и Тублин из ФСБ. Они даже чем-то неувлимо похожи друг на друга. Привет, полковники! Можете не сомневаться, что скоро получите генеральские звезды. За такого зверя, как я, их вполне могут дать. Оба меня так истово ненавидят, что я даже им немного завидую. Такое забытое чистое чувство ненависти.

– Сукин сын, – прошипел Резунов.

– Мы его, оказывается, должны любить, – зло добавил Тублин.

– Зачем вы меня позвали? – спросил Дронго.

– Хотел с вами переговорить, – признался Баратов, – с этим быдлом мне разговаривать просто неинтересно. А вы – человек думающий, творческий, любознательный. Мне показалось, что будет правильно, если я поговорю именно с вами.

– О чем?

– Обо всем. О жизни, о моей судьбе, о наших отношениях. Ведь вы сюда пришли именно для того, чтобы понять, каким образом я столько лет притворялся интеллигентным человеком, был директором института, любимцем всех наших женщин – а их у нас было почти три четверти всего состава сотрудников. Даже сейчас они наверняка не верят, что их директор такой сексуальный маньяк. Я не позволял себе на работе ни одного лишнего слова, ни одного жеста, ни малейшего намека на близость. И в секретарях держал пожилую женщину.

– Только иногда вы выходили на свою «охоту», превращаясь из милого директора института в патологически одержимого садиста и убийцу...

– Опять громкие слова, – поморщился Баратов. – Ну почему вы сразу переходите к оскорблениям? Я же не упрекаю вас, что вы сотрудничаете с нашей милицией. Приличный человек даже руки им не подаст, а вы готовы им помогать, применяя свои знания и свой опыт. Говорят, что их скоро переформируют и назовут полицией. Давно пора. Наша милиция – просто нереформируемая часть общества. Хотя полагаю, что полиция будет не лучше. Впрочем, это не мое дело. Я же не называю вас ищейкой, стукачом, сексотом или еще как-то в этом роде. Давайте взаимно уважать друг друга.

– Для этого я должен забыть о ваших преступлениях. Мне трудно это сделать.

– Тогда спросите себя – почему я стал таким? Меня ведь не родили подобным уродом. Я был нормальным, хорошим, спокойным мальчиком из интеллигентной семьи. Папа был инженером на большом комбинате, мама работала в финансовом отделе. И все перевернулось в один момент, когда погиб мой отец.

Он замолчал. Было заметно, как он волнуется. «Может, именно для этого он меня и позвал», – подумал Дронго.

– Меня ведь все равно в живых не оставят, – неожиданно произнес Баратов. – Я прекрасно знаю, что в нашей стране нет смертной казни даже за такие преступления, которые я совершал; но все равно долго жить мне не позволят. Для любого сокамерника я буду отверженным, гнидой, которую он обязан раздавить. Для надзирателей я стану объектом издевательств. Но думаю, что до этого не дойдет. Как только объявят приговор, меня сразу определят в какой-нибудь закрытый «санаторий» одной из спецслужб, где начнут ставить эксперименты над моим мозгом, пытаюсь понять, откуда происходят такие ужасные преступники. И, конечно, меня выпотрошат до основания. Это будет гораздо хуже смерти. И мы оба знаем, что все так и будет, как я сказал. Сколько вам лет?

Он не дождался ответа.

– Около пятидесяти, – продолжал Баратов, – я помню. Читал вашу героическую биографию. Мне сейчас сорок второй год. И у меня нет шансов дожить даже до вашего возраста.

– Он еще смеет жаловаться, – гневно сказал Тублин.

– Подождите, – попросил Гуртуев, – там говорят об очень важных вещах.

– И еще один вопрос, – продолжал Баратов, – только честно, если возможно. Предельно откровенно. Сколько у вас было женщин? Я имею в виду – интимных партнерш? Не вашу жену, конечно, а других женщин. Только не говорите, что вы идеальный муж. Наш разговор все равно не передадут вашей супруге, он для этого слишком секретный.

– Много, – честно признался Дронго.

– Не пять и не десять? – настаивал Баратов.

– Гораздо больше. – Он уже понимал, почему собеседник так настойчиво спрашивает его именно об этом.

– Я так и думал. А теперь вспомните, сколько было у меня. Я ведь не мог получать удовлетворение другим способом. Просто ничего не выходило. Нужно было либо терпеть, что просто невозможно, либо идти и убивать, что гораздо легче. Теперь понимаете?

– Вы перепутали жанр. Я не смогу быть вашим адвокатом – ни в силу своего характера, ни в силу своего положения.

– А я и не прошу. Мне важно, чтобы меня поняли. Чтобы потом меня не выставляли обычным психопатом, который чокнулся на сексуальной почве. Все это неправда.

– И вы хотите рассказать мне, как все было?

– Я хочу, чтобы именно вы попытались меня понять. Не простить, а понять. Прощения я все равно не заслуживаю, но понимание мне просто необходимо. В конце концов, у меня растут двое племянников, дети моей сестры. Они должны узнать, что я не был тем чудовищем, о котором сейчас наверняка пишут во всех газетах.

– Вы хотите сказать, что не совершали этих преступлений?

– Совершал. Конечно, совершал. Я не отказываюсь ни от одного из них. Более того, после нашей беседы я буду готов давать показания по каждому эпизоду своих преступлений. Представляю, как сейчас радуется полковник Тублин, который слушает нашу беседу... Но сначала я обязан поговорить именно с вами, попросить вас поверить в мою искренность и, если хотите, даже проверить все факты, о которых я вам сообщу.

– Он сошел с ума? – вздыбил брови Тублин. – Зачем ему это нужно?

– Артист, – зло отвечал Резунов, – хочет сыграть на публику.

– Нет, – возразил Гуртуев, усаживаясь поудобнее, – все это гораздо серьезнее. Он ведь сам пытается проанализировать собственное падение. Возможно, мы получим уникальную возможность выслушать его беспощадный анализ собственной судьбы. Это исключительно важно и для криминалистики, и для психоанализа его поступков. И в конце концов, это важно и вам.

Ведь он, не скрывая ничего, признаётся во всех своих преступлениях. А вам будут нужны его показания, чтобы оформить все необходимые протоколы.

Резунов и Тублин переглянулись. Оба офицера внутренне не соглашались с ученым, но это был тот случай, когда необходимо было промолчать и не возражать.

В другой комнате Дронго задал вопрос:

– Когда и как погиб ваш отец?

Глава 3

@Bukv = Баратов помрачнел. Провел рукой по лицу, словно отгоняя неприятные воспоминания.

– Говорят, что все начинается в детстве, – глухо пробормотал он, – и негативные детские потрясения вырастают потом в большие проблемы. Но у меня не было таких проблем до пяти лет. Счастливое детство, рядом любимые папа и мама, старшая сестра... А потом случилась авария на комбинате, и мой отец погиб. Была даже не его смена, а его товарища, Корнея Стасильникова, – но отец, узнав об аварии, поспешил на комбинат. Вместо него должен был идти Стасильников, но он струсил, и пошел мой отец. Он погиб первым, вместе с ним – еще четверо. Стасильников получил ожоги, но остался жив. На похоронах он плакал и кричал, что это он должен был погибнуть вместо моего отца.

Он тяжело вздохнул.

– Мне было только пять лет. Про похороны мне рассказала мать. Я, конечно, ничего не помнил. А отец остался в памяти высоким, всегда задорно смеющимся мужчиной. Вот так я и остался в пять лет сиротой.

Он посмотрел на неподвижное лицо Дронго.

– У вас тоже нет отца? – догадался Баратов.

– Нет, – мрачно ответил Дронго.

– С детства? Вы тоже выросли без отца? – уточнил Баратов.

– Он умер недавно, – пояснил Дронго, – ему было уже за восемьдесят. Но боль от утраты до сих пор не проходит.

– Тогда вы можете себе представить, что именно я испытывал всю свою жизнь, – вздохнул Баратов.

– Не могу, – признался Дронго, – не могу даже представить. Это так тяжело – расти без отца. Мне даже в пятьдесят не хотелось его терять, а когда вам в десять раз меньше... Понимаю, что больно и несправедливо. Но таких семей в мире миллионы...

– И не во всех семьях, где погибает отец, вырастают дети-уроды, – закончил за него Баратов.

– Я не был так категоричен, – ответил Дронго.

– Этот негодяй хочет его разжалобить, – усмехнулся Тублин.

– Не думаю, – возразил Гуртуев, – ведь по материалам дела установлено, что отец Баратова действительно погиб, когда тому было только пять лет. Он говорит правду. Пока, во всяком случае.

– Конечно, наше финансовое положение изменилось, – продолжал Баратов. – По утере кормильца мы получали пенсию. Мама продолжала работать на комбинате в финансовом отделе. На похоронах ей обещали помочь, все только и говорили о героизме моего отца. Ну а потом все постепенно забылось. Прошло несколько лет, и уже никто не вспоминал даже его имени. Когда мне было десять лет, мы поехали на могилу втроем: мама, я и моя старшая сестра. Кроме нас, никого не было – даже из профсоюза, обычно присылавшего цветы. Просто сменились люди, пришли молодые, которые ничего не знали и не помнили про события пятилетней давности...

Он немного помолчал.

– Если вы думаете, что у меня была какая-то ненависть или злость к этим людям, то это не так. В детстве такие соображения не приходят в голову. Я и сейчас думаю, что, по большому счету никто ничем нам не был обязан. Никто, кроме Корнея Стасильникова... Но это уже другая история.

Где-то в третьем или четвертом классе у нас появился новый мальчик – Мурат, который рассказывал нам удивительные вещи. От него я впервые узнал в анатомических подробностях, как и откуда берутся дети. А в пятом классе он предложил нам собрать деньги и отправиться к знакомой проститутке, которой нужно было заплатить огромную по тем временам сумму – кажется, двести рублей. Я продал магнитофон, который прислал мне дядя из Германии, другие тоже что-то придумали – и мы трое отправились с Муратом к этой женщине. Сейчас я понимаю, как это было глупо. Но рядом со мной не было отца или старшего брата, с которым я мог бы посоветоваться. Хотя, наверно, я бы не решился рассказать им о подобном.

Мы собрали двести рублей, и Мурат повез нас в какое-то злачное место, к опустившейся женщине. Подозреваю, что он не дал ей все наши деньги, решив сэкономить столь бессовестным образом. И первым пошел к ней. За ним был мой товарищ Леня, который вышел оттуда в ужасном состоянии и отправился в туалет, где его долго рвало. Другой наш товарищ, Яша Хейфец, просто сбежал, не решившись зайти к ней.

Баратов замолчал. Затем взглянул на Дронго.

– Наверно, вы уже догадались. В таких антисанитарных условиях ничего хорошего не могло произойти. К тому же тогда не было презервативов, а о СПИДе еще никто не слышал. Все трое заболели тяжелой формой гонореи. Мурат умер через четыре года – его мать была уборщицей и не смогла найти достаточно средств, чтобы вылечить сына. Леонида отправили в Москву и там долго лечили. Говорили, что вылечили. А я скрывал все от матери, пока не стало совсем плохо. Очень помог мой дядя, ее брат, который служил в Германии; он тогда присылал мне дорогое и дефицитное лекарство. Врачи считали, что им удалось меня вылечить. Во всяком случае, анализы показывали довольно приемлемый результат. Правда, матери пришлось уйти с работы и устроиться в собес, где она получала гораздо меньше денег. А потом мы продали нашу большую квартиру и купили хрущевскую двушку на окраине города. На мое лечение и содержание нашей семьи у матери просто не было денег. Самое интересное, что отец Лени – парня, который был вместе со мной у этой женщины, – считал именно меня виновником того, что случилось с его сыном. Меня и Мурата. А он был в это время главным инженером комбината. И, конечно, моей матери пришлось оттуда уйти – ведь он везде говорил, что в болезни его сына виноваты мерзавцы Вениамин и Мурат, босяки, выросшие без отцов. Это было правдой: у нас обоих не было отцов.

Потом, во время выпускных экзаменов, меня едва не завалила тетка Леонида, родная сестра его отца. Она была учительницей химии и твердо решила выставить мне двойку, чтобы такой хулиган и бандит, как я, не получил аттестата о среднем образовании. Учился я довольно хорошо, по всем предметам были пятерки и четверки. А на экзамене она откровенно меня заваливала, пока одна практикантка не догадалась позвать директора школы. Тот пришел, задал несколько вопросов и потребовал поставить мне тройку. Я окончил школу с тремя тройками. Еще две – по физике и астрономии, – даже не спрашивая меня, поставил муж учительницы химии. Он оказался более подрядочным человеком, чем его супруга...

Баратов снова замолчал. Затем неожиданно спросил:

– Знаете, что самое примечательное в этой истории? Фамилия отца Леонида была Стасильников. Да, да, тот самый Корней Стасильников, жизнь которому спас мой отец. И который клялся в любви к нашей семье. Он отправил сына на лечение в Москву, а мою мать просто выжил с комбината, где она проработала много лет. И никто даже не попытался за нее заступиться. Все были возмущены моим скотским поступком, когда я так подвел сына их благодетеля и даже подставил его под какую-то заразу. Вот такая забавная петрушка у меня получилась в отрочестве.

Он замолчал. Потом, глянув на Дронго, поинтересовался:

– Так и будете молчать или что-то скажете?

– Вы думаете, что все это правда? – неуверенно спросил Тублин, обращаясь к профессору Гуртуеву.

Тот пожал плечами и недовольно отвернулся. Затем выдавил:

– В мире так много несправедливости... Иногда встречаются и подобные прохвосты, никто от этого не застрахован.

– И вы считали, что семья Стасильниковых виновата перед вашей семьей? – поинтересовался Дронго. – Именно с них вы и начали свой кровавый отсчет?

– Конечно, нет, – даже обиделся Баратов. Я понимал, что отец Леонида был чудовищно неправ. Но я понимал также, почему он так реагировал. Ведь на самом деле именно я под влиянием Мурата уговорил Леонида пойти с нами. И формально отец Лени был прав: именно я и был виноват перед ним в этом совместном походе. Мы ведь дружили с Леней с самого первого класса.

– Потом вы с ним виделись?

– Один раз, спустя много лет. Кажется, три года назад. Я уже был директором института и приехал по своим делам в Москву, а он как раз навещал в Перми свою больную мать. Я летел бизнес-классом, а он – экономическим, но на выходе мы с ним столкнулись. Он полысел, обрюзг, постарел, подурнел. В неполные сорок выглядел на все пятьдесят или даже старше. Рассказал, что развелся с первой женой, а вторая ушла от него сама. Работает в какой-то конторе по заготовке сырья. От него пахло дешевым одеколоном и потом. Он был одет в мешковатый, плохо сидевший костюм. Я еще подумал, что Бог все-таки иногда бывает справедлив. Хотя сейчас, наверное, он думает так же, узнав о моем аресте. Но в любом случае я бы не хотел быть на его месте. Так что вы ошиблись: никаких дел с семьей Стасильниковых у меня не было.

– Зато соседа своего с женой вы убили, а его жену, судя по всему, еще и изнасиловали... и, скорее всего, тоже. Вам не кажется, что это какие-то дикие латиноамериканские страсти? – мрачно поинтересовался Дронго, – о таких ужасах можно прочесть скорее в книгах Марио Варгаса Льюиса.

– Прекрасный писатель, – кивнул Баратов, – я читал его «Войну конца света».

– Значит, помните, как главный герой отомстил за свою честь, когда его женщина ушла к другому? Он отрезал уши ее братьям и забрал младшую сестру в свою банду. Через несколько месяцев несчастная вернулась беременной и с письмом, что каждый член банды может быть отцом ее ребенка. Когда Льюис пишет подобное о латиноамериканских бандитах, я его понимаю. Но вы, директор института, специалист по мировой архитектуре – и вдруг такие непонятные страсти. Что произошло?

– Именно из-за своего соседа я и стал тем, кем стал, – ответил Баратов, – и поэтому считал себя вправе осуществить подобное возмездие. Не преступление, нет, а именно возмездие.

– Перестаньте, – строго прервал его Дронго. – Кто дал вам право на самосуд?

– Моя сломанная жизнь. Я же вам говорю, что именно он все и сломал. Может, сам того не желая, но сломал. После лечения у меня были большие проблемы с потенцией и с женщинами. Чего только я не пробовал! Ничего не получалось. Некоторые откровенно смеялись надо мной, некоторые жалели... А потом я устроился работать в супермаркет, где работала Катя, с которой мы близко сошлись. К тому времени моя мать вышла замуж во второй раз. Нужно сказать, что отчим был приличным, неплохим человеком, заботился о ней и о нас с сестрой, но я его страшно ненавидел с первого и до последнего дня его жизни. Понимал, что не прав, что так нельзя, но все равно ненавидел.

– Почему?

– Однажды я случайно вернулся домой немного раньше и услышал, как они занимались любовью с моей матерью. Вернее, пытались заниматься любовью. Ему было уже много лет, он болел, страдал одышкой, диабетом, гипертонией... В общем, полный букет. И, конечно, как мужчина не был всегда на высоте. А моя мать вообще не встречалась с мужчинами много лет

после смерти отца. И вот они оказались вместе, и я случайно услышал, как он просил ее... В общем, это нормальная просьба для пожилого человека, которому нужно помочь привести себя в «рабочее» состояние. Но это я сейчас понимаю, а тогда я готов был убить их обоих. Стоял, слушал, дрожал и сам боялся себя, чувствуя, как гнев и ненависть нарастают во мне со страшной силой.

Он вытер лицо ладонью, перевел дыхание, немного успокоился.

– Молодой был и глупый. Бросил институт, ушел в армию, там тоже всякого насмотрелся. Нас ведь тогда бросили в Таджикистан, как раз во время распада большой страны. А там – гражданская война. Президента республики на памятнике Ленину повесили. Истребляли друг друга с такой жестокостью, какой, наверное, не было и в Средние века. В общем, вернулся я оттуда не ангелом. Всякого повидал. Мог сорваться в любой момент. А тут встретил Катю. Молодая женщина без претензий, из бедной семьи. Сестра моя тогда вышла замуж за бизнесмена и переехала к нему, отчим умер, и мы остались с матерью в его большой квартире. Катя, очевидно, считала меня почти миллионером. Она была из тех, кого Чехов удачно назвал «душечкой». Готова была исполнять любое мое желание, была терпеливой, заботливой, ласковой, доброй. Первое время у меня практически ничего не получалось, но она терпеливо все сносила, подбадривала меня, успокаивала. И постепенно у меня все начало получаться, я почувствовал себя полноценным мужчиной. Пусть не стопроцентным, но уже нормальным. А потом появился наш новый сосед...

Баратов посмотрел на стену, за которой сидели наблюдатели.

– Наверное, профессор Гуртуев уже составляет мой психотип, – издевательски предположил он. – А может, рядом с ним и другие специалисты. Только они все равно ничего не поймут. Наш сосед и соблазнил Катю. Теперь я понимаю, что должен был сразу почувствовать глубину нашего с Катей социального неравенства. Она, как кошка, просто пригласилась у нас на кухне. Нигде не работала, ничего не умела делать. Готовила, убирала квартиру, угождала мне и моей матери. Была готова на все, чтобы остаться у нас. Физически я ее, разумеется, не удовлетворял – это я потом от нее и слышал. Но ради своего удобства она готова была терпеть это. А для ублажения тела у нее появился наш сосед, бабник и проходимец, который сразу и соблазнил ее, благо это было совсем нетрудно. Она изменяла мне постоянно, все время меня обманывала – пока я однажды не застукал их во время новогоднего праздника. Они обнаглели до такой степени, что, оставив гостей, меня и его жену, отправились в другую комнату, где предались своим утехам. Когда я зашел и все увидел, то даже не поверил своим глазам. Как раз перед праздником я купил Кате новое синее платье, довольно дорогое по тем временам. Можете себе представить, она даже не сняла этого платья! Прямо в нем и занималась сексом с нашим соседом. Я не выдержал, дал ему в морду и ушел. А она потом приехала ко мне просить прощения. Правда, не сразу, а через несколько дней...

Мать так и не поняла, почему я порвал с Катей. А та нагло заявила и начала на меня кричать, что я ее не удовлетворял как мужчина, был ничтожеством и вообще ни на что не был годен. Вот тут я и не выдержал. Кровь ударила в голову. Набросился на нее, порвал на ней платье и грубо ее изнасиловал. Чуть не убил... но все же не убил. Зато впервые у меня все получилось как надо. Она даже не поверила. Потом хотела остаться, но я не разрешил. Выгнал ее из квартиры навсегда. Но этот случай запомнил. Теперь я знал, что у меня может получиться, если я захочу, если разозлюсь по-настоящему... Что-то начали понимать? – поинтересовался Баратов.

– Многое, – помедлив, ответил Дронго, – хотя и не все. Значит, вы решили таким страшным способом отомстить своему соседу? А при чем тут его жена?

– Я думал, что вы все сами поймете, – недовольно выдавил Баратов. – Я хотел, чтобы они мучились перед смертью. Чтобы все узнали и почувствовали. Знаю, что меня сейчас записывают и потом все это мне и предъявят, но черт с ними, пусть пишут. Я проник к ним на

дачу, связал обоих и рассказал его жене, что он изменял ей с моей Катей. Она про это даже не подозревала. А потом на глазах у этого подлеца, сломавшего мне жизнь и испоганившего мою судьбу, я изнасиловал и убил его жену. Он плакал и просил, чтобы я убил его тоже. Что я с удовольствием и сделал. У них были деньги в тумбочке, но я их не тронул, мне было противно. Тело женщины я вывез и закопал в месте, которое потом укажу следователям, если они захотят проверить мои показания. Я вообще не собираюсь ни от чего отказываться. И за одно убийство, и за десять мне все равно дадут пожизненный срок. Так какая мне разница? Лучше сразу все рассказать и показать.

Дронго нахмурился. Он почувствовал несколько фальшивую ноту в этих словах, но ничего не стал уточнять.

– Я закопал ее, а машину потом пустил с откоса, – продолжал Баратов, – и считал, что правильно сделал. Этот мерзавец понимал, что рано или поздно я его достану, поэтому переехал от нас в другой дом подальше и даже дачный участок рядом с нашей дачей продал, чтобы не попадаться мне на глаза. Только от судьбы не уйдешь, как говорят в таких случаях.

– Если он укажет место, где спрятал тело, то это уже будет огромная польза от визита вашего эксперта, – сказал Тублин. – Мы уже записали его признание в двойном убийстве.

– Что-то слишком легко и быстро, – недовольно заметил Резунов.

– Он словно ждал именно Дронго, чтобы выплеснуть на него такое количество грязи и крови.

– Он именно его и ждал, – подтвердил Тублин. – Вы же сами предлагали пригласить вашего эксперта; не понимаю, почему вы сейчас недовольны?

– Не знаю, – признался Резунов, – слишком все быстро и странно.

– Ему нужен был человек, которому он может исповедаться, – предположил Гуртуев. – Может, он действительно хочет, чтобы его поняли?

– Нужно заканчивать на сегодня, – взглянул на часы Тублин, – уже время обеда. Пусть продолжают завтра.

– Да, – согласился Резунов, – пусть оба отдохнут.

Тублин прошел в соседнюю комнату.

– И тут наступила заря, и Шахерезада прервала свои сказки, – произнес Баратов с неприятной улыбкой. – Все понятно. На сегодня исповедь закончена.

– Вы сможете показать место, где спрятали тело вашей соседки? – сразу спросил Тублин.

– Какой соседки? – издевательски усмехнулся Баратов. – Разве я говорил о какой-то соседке?

– Ваш разговор с экспертом записывается на пленку, – едва сдерживаясь, пояснил Тублин. – Вы признались, что убили своего соседа и его жену.

– Разве? Я не помню. А вам не стыдно подслушивать чужие разговоры? – продолжал издеваться Баратов.

– Не паясничайте, – строго одернул его Тублин. – Я спрашиваю вас еще раз: вы можете показать место, где находится тело убитой женщины?

– Не знаю. Я вообще никого не убивал.

– Вы сами сказали, что убивали, – напомнил Тублин. – И учтите, что ваши показания могут быть использованы против вас.

– Это нарушение прав человека, – почти искренне возмутился Баратов, – вы не имеете права использовать мой частный разговор с экспертом в своих служебных целях.

– Хватит, – поморщился Тублин, – ваше свидание закончено.

– Вот видите, – показал на него Баратов, – эти люди ничему не хотят учиться. Как Бурбоны – ничего не забыли и ничему не научились. – Он поднялся и пошел к выходу, сказав Дронго на прощание: – Надеюсь, что мы еще увидимся.

– Он просто издевается над нами, – убежденно произнес Тублин.

Дронго молчал. Он вышел из комнаты с тяжелым чувством, словно его несколько часов давили невидимым прессом.

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовался Казбек Измайлович.

– Неважно, – честно ответил Дронго. – Пусть мне принесут стакан воды.

Он сел на стул, закрыл глаза. Если все это правда, то и тогда непонятно, почему Баратов пошел на такую откровенность. Чего он добивается, что именно хочет доказать?

Дронго еще не знал, что его соперник собирается взять реванш и посрамить не только эксперта, сумевшего вычислить его, но и всех, кто наблюдал за ними из соседней комнаты.

Глава 4

@Bukv = Они собрались в кабинете Тублина четвером, чтобы проанализировать состоявшуюся беседу. Исповедь преступника произвела на них впечатление. Дронго был молчалив и задумчив; Гуртуев, напротив, все время рвался рассказать о своих впечатлениях. Тублин не верил ни одному слову преступника. Резунов сомневался.

– Этот человек сознательно тянет время, рассказывая нам сказки, – начал Тублин.

– Почему? – спросил Гуртуев. – Я как раз верю в его исповедь. Убийцами не рождаются. Он четко и очень подробно рассказал нам историю собственной трансформации. А насчет искренности... Давайте посмотрим его личное дело. У меня есть все данные в компьютере. С разрешения полковника Резунова я закачал все в свой ноутбук. – Он достал компьютер, включил его и быстро защелкал по клавишам!

– Пожалуйста. Его отец действительно погиб на комбинате, когда Баратову было пять лет. В детстве перенес тяжелую венерическую болезнь. Есть запись в его карточке в местной поликлинике, что объясняет его неспособность к нормальному сексу. Дальше... Аттестат зрелости. Три тройки: химия, физика, астрономия. Из института ушел по собственному заявлению, перевелся с дневного на вечернее, а затем на заочное. Сразу был призван в армию, проходил службу в Киргизии и Таджикистане. Мать вышла замуж до того, как он пошел в армию, и у него появился отчим. Погибший Вадим Билык действительно был его соседом. Вот так, – Гуртуев почти победно посмотрел на обоих офицеров, сидевших перед ним. – Все, что он сообщил, – правда.

– И что это доказывает? – угрюмо осведомился Тублин.

– Как минимум он хочет, чтобы его выслушали и поняли, – пояснил Казбек Измаилович. – Возможно, именно поэтому он и пригласил такого человека, как наш уважаемый коллега. Ему легче разговаривать с человеком, которого он считает равным себе. Извините, господин полковник, но вас он откровенно презирает, – обратился он к Тублину.

– Я тоже не собираюсь пить с ним на брудершafft, – огрызнулся Тублин.

– Но зачем? – спросил Резунов. – Почему ему нужен именно Дронго. А вы сами как считаете? – обратился он к Дронго.

– Мне кажется, он говорит правду, – сказал после некоторой паузы Дронго, – во всяком случае, факты в его изложении кажутся достаточно четко выстроенными и убедительными. Но в них есть некая недосказанность, какая-то игра, которую мы пока не можем разгадать. Я не согласен с вами, уважаемый Казбек Измаилович, что ему необходим равный по интеллекту и статусу собеседник, чтобы исповедоваться. Он не так прост, как это может казаться на первый взгляд. Вспомните, как он готовил свои преступления. Очень расчетливо, изобретательно, учитывая все возможные варианты. Боюсь, что он опять рассчитывает какие-то свои действия, а мы лишь наблюдаем за ними, до конца не сознавая, какую именно игру он затеял.

– Вы предлагаете прекратить ваши встречи? – сразу спросил Тублин. – Считаете их непродуктивными?

– Пока не знаю, – пожал плечами Дронго, – но, похоже, встречи необходимо продолжать.

– Пока он не укажет нам, где спрятал тело женщины, я не разрешу вам встречаться, – отрезал Тублин. – Генерал Гордеев просто оторвет мне голову за все эти беседы. Он и так решил одну встречу под мою личную ответственность, и только потому, что из Министерства внутренних дел звонил генерал Шаповалов, который просил позволить господину эксперту встретиться с этим подонком. Я думаю, вы понимаете, что затянувшийся научный эксперимент нужно заканчивать. У нас есть конкретные сроки по следствию и конкретные требования прокуратуры. Мы не можем вечно держать его в нашей тюрьме и разрешать подобные душе-спасительные беседы.

Резунов мрачно кивнул в знак согласия. Гуртуев покачал головой и сказал:

– Вы даже не представляете себе, как важно его выслушать.

– Он сидит в тюрьме за многочисленные преступления, многие из которых практически доказаны, – напомнил Тублин. – Этот человек, которого трудно даже назвать человеком, – серийный убийца, жестокий и безжалостный. И среди его жертв есть несколько известных людей и даже супруга вице-губернатора одной из наших областей. Дело находится под личным контролем премьер-министра. И вы хотите, чтобы я докладывал руководству о беседах этого убийцы с экспертом, который даже не является официальным лицом, а всего лишь частный детектив? Простите меня, господин Дронго, но я привык называть вещи своими именами. И самое главное – здесь не курорт и не больница, а следственный изолятор, и наша задача – обобщить все материалы, собрать все доказательства, запротokolировать их и передать в суд, который вынесет приговор. Когда его наконец отправят в колонию, вы можете навещать его там и проводить любые эксперименты – если, конечно, вам разрешат. А здесь я официально подам рапорт, чтобы прекратить его общение с посторонними людьми до завершения следствия. Вы знаете, сколько у нас заявок на беседу с этим негодяем? Более двухсот! Почти все мировые агентства, все известные газеты и журналы... Они словно с ума посходили. Разумеется, мы всем отказываем...

– Это будет ошибкой, – возразил Гуртуев. – Пока он согласен говорить, нужно с ним разговаривать, даже если этот процесс затянет ваше следствие. Неужели вы не понимаете, как это важно?

– Нам важно собрать все доказательства и передать их в суд, – рявкнул Тублин, – а все остальное – ненужная лирика. Даже если он рассказал нам правду. Если у человека погиб отец, то это еще не повод становиться серийным убийцей. У меня отец погиб на границе, когда мне было только восемь лет. И нас с братом вырастила мать. Вырастила достойными людьми. Мы оба стали офицерами. Мой старший брат тоже полковник, только в пограничных войсках, пошел по стопам отца. И мы гордились своим отцом, а не считали, что должны ходить в детстве по проституткам, заражаться гадкой болезнью, а затем подглядывать за собственной матерью.

«Он поэтому такой злой, – подумал Дронго. – Разумеется, люди невиноваты в том, что растут без отцов, рано оставаясь сиротами. Но, так или иначе, этот болезненный процесс остается в них на всю жизнь как незаживающая рана. Мы теряем в детстве так много от отсутствия одного из родителей, словно не получаем полноценного питания или солнечного света, необходимого нам для роста. К счастью, у меня уже никто никогда этого не отнимет. Отец жил со мной почти полвека, а мать жива до сих пор. Может, это и есть то, что обычно называют человеческим счастьем?»

– А если он откажется с вами сотрудничать? – спросил Резунов. – Ведь до сих пор он не соглашался даже разговаривать на тему об убийстве жены своего соседа, а эксперту он сразу признался в этом.

– Он понимает, что должен сознаваться. Ему никуда не деться, – зло ответил Тублин, – он не может долго морочить нам голову. На даче погибшего найдены его следы. Экспертиза все равно уже доказала его причастность к убийству. Там обнаружены его волосы, которые удалось идентифицировать. Код ДНК невозможно изменить или подделать. Ему придется сознаваться.

– Он все равно получит пожизненное заключение, – напомнил Резунов. – Одним преступлением больше или меньше – это для него ничего не значит. Может, разрешить ему дальнейшие встречи с экспертом в качестве поощрения?

– Согласен, – решил Тублин, – если он укажет нам местонахождение тела погибшей, то мы разрешим ему новую встречу. Если ему так важно исповедоваться именно человеку, который его нашел.

Дронго промолчал. Вечером он приехал домой, чувствуя, что эта загадка не дает ему покоя. И почти сразу позвонил городской телефон. После третьего звонка включился автоот-

ветчик, который сообщил, что хозяина нет дома и можно оставить свое сообщение. Он услышал незнакомый женский голос.

– Добрый вечер, господин Дронго. Мне сказали, чтобы я обращалась к вам именно таким образом. Это говорит Эмма Реймон, я журналистка с российского телеканала. У меня к вам очень важное дело. Если можно, перезвоните. Я продиктую вам свой номер телефона... – Она сообщила номер и отключилась.

«Откуда они узнают мой номер?» – раздраженно подумал Дронго, направляясь на кухню, чтобы выпить чаю.

Он уже сидел на столе, когда раздался звонок его мобильного. Эксперт покосился на дисплей. Это был номер телефона Эдгара Вейдеманиса, его друга и напарника.

– Добрый вечер. Как прошло твоё свидание с этим типом?

– Интересно, – хмыкнул Дронго, – очень интересно. Он рассказал мне о том, как постепенно превращался в законченного убийцу и садиста. Но, как обычно бывает в телевизионных сериалах, на самом интересном месте нас прервали... В ФСБ считают, что он должен давать показания и пойти на сотрудничество со следствием, а не болтать с частным экспертом, рассказывая о своей жизни.

– И ничего конкретного?

– Как раз наоборот. Он сообщил много интересного. Рассказал об убийстве своего соседа и его жены, практически сознавшись в этих преступлениях. Теперь в ФСБ требуют, чтобы он показал место захоронения тела, иначе грозят не разрешить наши встречи.

– Неужели там такие кретины?

– Их можно понять. Они официальные чиновники, им важна отчетность. Тем более тут такие громкие преступления. Не забывай, что среди убитых женщин была и супруга вице-губернатора.

– Но ведь твои беседы могут помочь понять психологию подобных преступников, это ведь должно быть им понятно.

– Пока появится следующий преступник, пока он совершит свои убийства, пока его вычислят, пока его найдут и посадят в тюрьму – может пройти много лет, а им нужны результаты сейчас и немедленно... Подожди, кажется, звонит мой городской телефон.

Снова позвонил телефон, снова включился автоответчик – и снова раздался уже знакомый голос Эммы Реймон:

– Это снова я. Мне сказали, что вы уже прилетели в Москву. Вас сегодня видели в здании ФСБ. Возьмите трубку или перезвоните мне. Я буду ждать.

«Вот нахальная особа», – подумал Дронго.

– Кто звонил? – спросил Эдгар.

– Какая-то журналистка. Эмма Реймон. Возможно, корреспондент иностранного канала, аккредитованный на местном телевидении. Уже во второй раз. Самое поразительное, что она знает о моем сегодняшнем визите в ФСБ. Интересно, откуда у нее такие сведения?

– Эмма Реймон? – переспросил Вейдеманис. – Тогда я ее тоже знаю. Это журналистка с российского телеканала. По отцу она немка, а по матери украинка. Приехала из Казахстана еще лет десять назад. Настырная и пробивная особа, специализируется на криминальных темах. Симпатичная блондинка, лет тридцать пять или чуть меньше. Судя по ее осведомленности, она либо состоит в агентуре ФСБ, либо их негласный осведомитель. Возможно, через нее они сливают часть информации, когда им бывает нужно. Я с ней однажды встречался. Очень интересная и много знающая девица. Это как раз тот случай, когда внешность обманчива. Выглядит этаким глупой куклой – типичной блондинкой, но своими вопросами может взять в стальные тиски. Была замужем за акционером пивной компании, развелась. У них девочка. Через полгода он погиб в автомобильной катастрофе, и его дочь стала наследницей многомиллионного состояния, а мать соответственно – опекуницей этой девочки. Ходили глухие слухи, что друзья

Эммы помогли ее бывшему мужу так неудачно попасть в аварию. Но, возможно, это только слухи. Сейчас она очень самостоятельный, амбициозный и предприимчивый журналист, у нее своя программа на одном из каналов, и говорят, что она там один из основных акционеров. Как тебе такая дамочка?

– Очаровательная смесь. Возможная осведомительница, вдова, миллионерша, журналистка и даже, может быть, убийца. Полный букет, – буркнул Дронго. – Ты считаешь, с ней нужно увидеться?

– Обязательно. И учти, что с ней нужно быть осторожнее, – предостерег напоследок Вейдеманис. – Можешь поискать информацию о ней в Интернете. Там все подробно изложено. Такие люди обычно обожают публичность.

Дронго прошел в свой кабинет, намереваясь поискать в Интернете все возможные сведения о журналистке. Поиски были недолгими. У Эммы Реймон была своя программа на телевидении, она числилась корреспондентом сразу двух влиятельных немецких изданий; ее состояние оценивалось в шесть с лишним миллионов долларов, доставшихся ее дочери в наследство от погибшего отца. На сайте была и фотография госпожи Реймон. Симпатичная блондинка, коротко остриженная, весело и победно смотрела в объектив.

Снова позвонил его мобильный. Дронго вернулся на кухню, взял телефон.

– Я посмотрел все данные по Интернету, – сказал он, полагая, что это позвонил Вейдеманис. Ведь почти никто, кроме Джил, Эдгара и еще нескольких самых близких друзей, не знал этого номера.

– Добрый вечер, – услышал он женский голос, – с вами говорит Эмма Реймон. Мне пришлось позвонить на ваш мобильный, так как вы упрямо не поднимаете трубку своего городского телефона.

«Кажется, Эдгар был прав, – подумал Дронго, – у этой дамочки не только стальная хватка, но и весьма обширные связи. Она очень быстро сумела узнать номер моего мобильного телефона, который в Москве знает только несколько человек».

– Здравствуйте, – сдержанно ответил Дронго, – я вас слушаю, госпожа Реймон.

– У меня к вам очень важный разговор, – сообщила журналистка, – но, разумеется, я не хотела бы беседовать с вами по телефону. Назовите место, где мы с вами могли бы увидеться.

– Когда?

– Сегодня, конечно. Зачем откладывать?

– Сегодня я не могу. Очень занят.

– Устали после встречи с Баратовым? – сразу спросила она.

Так. Это уже очень серьезно. Об этой встрече могли знать только несколько человек в высшем руководстве ФСБ. Кажется, Эдгар был прав. Эта дамочка явно работает на спецслужбу.

– Откуда вы знаете об этом?

– Журналистская тайна. Значит, это правда?

– Я этого не сказал.

– Но и не опровергли. Послушайте, это уже просто неприлично. Молодая женщина назначает вам свидание, а вы кокетничаете, отказываетесь встречаться, придумываете разные поводы... Давайте встретимся прямо сегодня.

– Когда?

– Часов в девять. В «Ностальжи» вас устроит?

Это был один из лучших ресторанов города. Дронго заколебался. Нужно назначить свидание в другом месте, чтобы оно не проходило под контролем спецслужб.

– Нет, – ответил он, – давайте в другом месте. Например, в «Сирене».

Там было труднее устанавливать аппаратуру. Стекланный пол отражал направленные сигналы, а рыбы в аквариумах при этом начинали хаотически метаться, и об этом знали

все профессионалы. Может, поэтому многие важные встречи в девяностые годы назначались именно в «Сирене».

– Хорошо, – рассмеялась она, – тогда встретимся там в девять пятнадцать. Мне говорили, что вас нетрудно узнать. Огромного роста, широкоплечий, высоколобый. Это все правда?

– Не совсем огромного роста. Только сто восемьдесят семь сантиметров, – пробормотал он. – Хотя уверен, что вы об этом уже знаете.

– Конечно, – рассмеялась она, – у меня сто шестьдесят семь, и поэтому я буду чувствовать себя дюймовочкой рядом с вами. Значит, договорились?

– Хорошо.

Он выключил телефон. Интересно, что нужно этой нахалке? Судя по всему, она не только журналистка, иначе не смогла бы так быстро и оперативно получить номер его мобильного телефона и информацию о его встрече с Баратовым. Вейдеманис был прав: с этой дамочкой любопытно будет встретиться. На всякий случай Дронго позвонил Эдгару и назвал место их встречи. Теперь он точно знал, что среди нескольких пар глаз, которые могут наблюдать за ними, будут и глаза его друга, который появится в ресторане за пятнадцать минут до назначенного срока.

Глава 5

@Bukv = В большом зале ресторана Дронго терпеливо ждал журналистку. За столом слева сидели Вейдеманис и Кружков; последний был напарником в их расследованиях. Эдгар справедливо решил, что вечерний ужин одинокого мужчины, сидящего за спиной Дронго, может вызвать ненужные подозрения, и пригласил еще и Кружкова. А может, просто решил подстраховаться.

Эмма появилась стремительно, словно опасаясь, что ее собеседник уйдет, опоздав более чем на двадцать минут. Прошла к Дронго, протягивая ему руку.

– Спасибо, что согласились на встречу. Я Эмма Реймон. – Ее рукопожатие было достаточно крепким и уверенным.

На женщине была двойка голубого цвета, белая блузка. Юбка заканчивалась выше колен, ноги стройные и красивые. Она не казалось такой уж маленькой, какой он ее себе представлял. Для женщины рост сто шестьдесят семь сантиметров был более чем нормальным. Короткая стрижка, вздернутый носик, голубые глаза... Очевидно, она была натуральной блондинкой, сказывались немецкие корни ее отца. И вместе с тем Эмма была смуглой; возможно, среди предков ее матери попадались казаки и южные украинцы. Женщина уселась рядом с Дронго, сразу доставая сигареты и зажигалку. Сумочку она положила на соседней стул. Сумочка была от известной английской фирмы, такие только входили в моду в этом году. Очевидно, ее деньги позволяли следить за новейшими веяниями и носить вещи по собственному выбору. Дронго посмотрел на ее обувь. Лабутаны на высоких каблуках. Разумеется, она казалась гораздо выше своего роста.

– Будете ужинать? – спросил сразу подскочивший официант.

– Выбор за вами, – предложил Дронго.

– У вас обычно бывает приготовленное на гриле филе рыбы сан-пьер, – прищурилась Эмма, – с тушеными овощами. Принесите, пожалуйста. И хорошее вино. Белое, разумеется.

– Мне то же самое, – кивнул Дронго.

– За себя я буду платить сама, – сообщила журналистка, – здесь очень дорого.

Он улыбнулся, покачал головой.

– Это я выбрал ресторан.

– Как хотите, – согласилась она. – Насколько я знаю, вы не самый бедный эксперт среди криминалистов.

– А вы не самая бедная журналистка среди своих коллег, – парировал он.

– Уже успели узнать... – Она вынула сигарету, закурила. – Моя слава бежит впереди меня. Это деньги моей девочки, доставшиеся ей от покойного отца, моего бывшего мужа. Я всего лишь ее опекунша, хотя это глупо звучит – быть опекуншей собственной дочери. То есть деньги ее, я могу их тратить только на ее нужды.

– И на нужды ее матери, – заметил Дронго.

– Безусловно. Я же не могу ходить раздетая и голодная при таких деньгах. Итак, мы уже почти представились друг другу. Пойдем дальше?

– Давайте. Откуда вы узнали номер моего мобильного?

– Это секрет, – улыбнулась она. – И не настаивайте, чтобы я сказала. У меня много подобных секретов.

– Не сомневаюсь. А как вы узнали о моем визите на Лубянку? Тоже секрет?

– Самый большой. – Она оглянулась по сторонам. – Неужели вы действительно думаете, что я могу рассказать вам, отсюда узнаю подобные вещи? Вы же опытный человек.

– Понятно. Тогда зачем я вам так срочно понадобился? Вы могли узнать все подробности нашей беседы из собственных источников.

– Начнем с того, что не могла. – Она потушила сигарету в пепельнице.

Официант принес минеральную воду, разлил ее по бокалам.

– Мне было интересно встретиться именно с вами. Вы же не просто эксперт, вы один из лучших сыщиков. И именно вы смогли его вычислить. Поэтому мне было ужасно интересно с вами встретиться. Какой вы из себя? Курите трубку, как комиссар Мегрэ; юркий, ловкий, все замечающий человек, как Эркюль Пуаро, или высокий джентльмен, как Шерлок Холмс? А может, вы неподвижный и толстый, как Ниро Вульф?

– Судя по всему сказанному вами, детективы – ваше любимое чтение.

– Конечно. Я же веду криминальную программу на нашем телевидении, нужно быть в теме. Кстати, вы не курите?

– Нет.

Она достала вторую сигарету и, закулив, спросила:

– Почему он хотел увидеть именно вас?

– Об этом вам тоже сообщили?

Она смутилась:

– Не нужно ловить меня на слове, это моя работа – добывать нужную информацию.

– Судя по вашим словам, вы ее не очень-то добываете. Скорее вас охотно знакомят с подобной информацией, используя как канал для продвижения нужных версий. Кажется, раньше был такой известный журналист Хинштейн. Я всегда поражаюсь его осведомленности и знаниям секретов правоохранительных структур. Мне почему-то казалось, что его попросту используют. Сейчас он депутат Государственной думы.

– Вы говорите это в осуждение? – уточнила Эмма.

– Ни в коем случае. Мне как раз импонировали и его позиция, и его разоблачения. Он всегда принципиально был на стороне официальных властей и правоохранительных органов. Понимаю, что с его помощью часто сводили счеты с неугодными, но в любом случае его позиция мне нравилась больше, чем позиция его оппонентов. И его разоблачения были весьма важны для общества. Всегда есть журналисты, через которых правоохранительные органы «сливают» свою информацию. Очевидно, было решено использовать именно такого популярного человека, как вы.

– Спасибо, – усмехнулась она, – хотя бы не так обидно.

– Я не хочу вас обидеть. Это для уточнения позиций. Я понимаю, что у вас есть связи, и, судя по всему, весьма крепкие. А вы понимаете, что я об этом догадываюсь. Так будет гораздо честнее. Не будем обманывать друг друга.

– Не будем, – согласилась она.

Официант принес белое вино, откупорил бутылку, налил немного в бокал Дронго. Тот вдохнул аромат. Бургундское пятилетней выдержки – замечательное вино. Попробовал на вкус. Немного горчит, но в целом интересный букет. Он кивнул официанту, разрешая разлить вино по бокалам.

– За нашу встречу, – предложила Эмма, поднимая бокал.

Они почти неслышно чокнулись.

– Между прочим, это устоявшийся стереотип, который французы считают неверным, – заметил Дронго. – Чисто совковое мышление: если мясо, то вино должно быть красное, если рыба, то белое. На самом деле все зависит от типа вина и его марки, а не от его цвета.

– Интересно, – оживилась она, – никогда об этом не слышала. Можно об этом написать?

– Разумеется.

– А про вас можно написать?

– Нет. Я частный эксперт, и ненужная популярность может мне только повредить. И моим расследованиям. Такая слава мне не нужна. Лучше напишите про профессора Гуртуева – это

с помощью его методов мы вычислили убийцу. Или про группу полковника Резунова. Это он и его люди мотались по всей стране в поисках преступника.

– Резунов – всего лишь полковник милиции, а Гуртуев – профессор криминалистики, – ответила Эмма. – Кроме того, о них уже столько написано... А вот про вас почти нет никакой информации. По-моему, это несправедливо.

– Это нормально. Они состоят на службе государства, а я частный эксперт и к тому же иностранец.

– Для иностранца вы слишком хорошо говорите по-русски и неплохо знаете наши реалии.

– Я не виноват, что в девяносто первом единую большую страну разорвали на несколько кусков. Кстати, сделали это не мои соотечественники, а российские депутаты в девяностом году; а затем и руководители трех славянских республик в девяносто первом. Но не будем об этом. Реалии таковы, каковыми они являются. Ничего изменить или поменять невозможно. Значит, все правильно. Исторический процесс движется независимо от воли конкретных людей.

– Зачем он так настаивал на встрече с вами? – Эмма потушила вторую сигарету.

Официант принес заказанные блюда, поставил их на столик и с достоинством удалился.

– Разве вам не сказали? – спросил Дронго, пробуя рыбу. Она действительно была очень вкусной.

– Очень невразумительно. Я так ничего и не поняла.

– Ему нужен был человек, которого он считал равным себе. Которому мог бы исповедаться, рассказать о своей сложной судьбе. Во всяком случае, именно так считает профессор Гуртуев.

– Он не мог рассказать об этом самому профессору?

– Очевидно, нет. Гуртуев для него – обычный научный «сухарь». Допрашивающие его следователи и оперативники представляются ему сплошной серой массой. Нужен человек, с которым он мог бы беседовать на равных. Поэтому он и требовал, чтобы к нему допустили меня.

– Вы тоже так думаете? Как профессор Гуртуев?

– Не совсем, – признался Дронго. – Преступник – очень умный человек. Он понимает, что нас не оставят одних ни при каких обстоятельствах. Значит, наш разговор будут записывать и вести за нами непрерывное наблюдение. Тогда в чем разница? Почему его исповедь должен выслушать именно я – ведь рядом будут еще несколько человек, и об этом Баратов точно знает? Тем не менее он отказывается разговаривать с другими. И пытается быть предельно откровенным со мной, что меня несколько настораживает.

– Почему?

– С чего бы ему быть настолько откровенным? Он ведь понимает, что шансов на спасение у него нет. Ни единого шанса. И его наверняка осудят. Более того, он сам мне об этом сказал. И он понимает, что в тюрьме долго не протянет. Таких преступников ненавидят все. И надзиратели, и заключенные. Тогда для чего он затеял эту непонятную игру в исповедальность? Хочет продемонстрировать мне свой интеллект? Зачем? Для чего? Хочет получить некое оправдание, хотя бы морального плана, в моих глазах? Глупо. Я никогда не прощу ему убийства стольких людей, страдания их родственников. Тогда зачем? У меня пока нет ответа на этот вопрос. Но я абсолютно убежден, что он точно знает, зачем это ему нужно, и приглашает меня в тюрьму с определенной, очень конкретной целью.

– Может, он рассчитывает, что вы поможете ему сбежать? – улыбнулась Эмма.

– Из внутренней тюрьмы на Лубянке? – иронично осведомился Дронго. – За все время оттуда не сбежал ни один человек. Ни разу. Даже из Бутырской тюрьмы убегали, а оттуда – ни разу. Это просто невозможно. К тому же его охраняют как особо опасного преступника сразу несколько человек. За ним в камере установлено круглосуточное наблюдение, и он об этом

знает. Нет, у него есть какой-то определенный план, и он ему следует. Что касается меня, то он заранее готовился к нашим беседам, даже изучал мою биографию, наводил справки о моей семье. Он понимает, что такой человек, как я, никогда и ни при каких обстоятельствах не будет ему помогать. Хотя его рассказ сегодня произвел на меня тяжелое впечатление.

– Какой рассказ? – сразу спросила Эмма.

– Об этом я вам не скажу. Служебная тайна. Но история его жизни весьма поучительна.

И очень трагична.

– А если он все наврал, чтобы нарочно вас разжалобить?

– Не думаю. Практически все факты подтверждаются. Он не родился таким, каким мы его арестовали. Он стал им в результате предательства одних и злобы других. И это очень печально.

– Не хотите ничего рассказывать?

– Не имею права. Это не моя тайна. Наводите справки там, где вам рассказали о нашей встрече.

Эмма положила вилку и нож на стол, нахмурилась.

– Как вам не стыдно? Ужинаете с женщиной и все время ей грубите.

– Разве это грубость? Я честно ответил, что не могу рассказать вам о нашем разговоре.

Судя по всему, вы располагаете гораздо большей информацией, чем ваш покорный слуга.

– Это неправда, – быстро сказала Эмма, – я всего лишь узнала о вашей встрече. И о том, что Баратов требовал встречи именно с вами.

– От кого?

Она замолчала, отвела глаза.

– Тогда у нас не получится никакого разговора, – вздохнул Дронго. Подскочивший официант разлил вино в бокалы. Эксперт поднял свой бокал.

– Ваше здоровье. – Он не стал чокается и сделал два маленьких глотка.

– Вы невозможный человек, – решительно произнесла она, подняла свой бокал и выпила его почти до дна. Затем потянулась к третьей уже сигарете, закурила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.